

укоризны, научуся (чего, знаете вы сами, не дожудся отъ записныхъ нашихъ критиковъ).

Прошу Васъ взять на себя трудъ исправить двѣ ошибки, справедливо замѣченныя въ Сынѣ Отечества: На стран. 129 былъ уже въ 15 верстахъ, должно читать въ 50.—Изъ примѣчанія къ пятой главѣ (16) вмѣсто Табалыль, Табинскъ.

Съ глубочайшемъ почтеніемъ и благодарностію, честь имѣю быть Милостивый Государь Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

26 янв. 1835. Спб.

Адресъ: «Его Превосходительству Милостивому Государю, Дмитрію Николаевичу Вантышу-Каменскому, въ Москвѣ, въ книжную лавку Шираева».

V.

Милостивый Государь Дмитрій Николаевичъ. Съ крайнѣй досадою узналъ я что давно уже отосланныя ваши бумаги, все еще находились въ рукахъ того, кому я ихъ повѣрилъ. Простите невольное мое прегрѣшеніе. Не знаю получили ли вы исторію Пугачева. Она была мною поручена вмѣстѣ съ Вашими бумагами тому-же безопасному комисионеру.

Поручая себя Вашей благосклонности съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

2 апрѣля 1835.

Адресъ: «Его Превосходительству Милостивому Государю Дмитрію Николаевичу В.-Каменскому».

Сообщ. Н. Д. и Л. Е. Вантышъ-Каменскіе.

ОСИПЪ ИВАНОВИЧЪ СЕНКОВСКИЙ.

Письма его къ Фурманну.

Писаны къ П. Р. Фурманну, довольно извѣстному романисту и сочинителю дѣтскихъ книгъ въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ; онъ умеръ въ 1856 году. Эти письма Сенковского относятся къ тому времени, когда Фурманнъ былъ редакторомъ с.-петерб. полицейскихъ вѣдомостей (съ 1852 — 55 г.). Сенковский въ эти годы занимался химіей и, преслѣдуемый цензурою, вздумалъ вмѣсто литературы заняться фабрикаціей табаку, соединившись съ лицомъ, которое и рекомендуетъ въ письмахъ.

В. Стоюнкнъ.

I.

Carissimo, пріймите благосклонно подъ ваше редакторское покровительство добраго и умнаго человѣка, который постигъ духъ табаку и разумъ папирововъ и въ которомъ мы принимаемъ большое участіе. Дѣло идетъ о напечатаніи объявленія, достойнаго его папирововъ, которыя превосходятъ всѣ донинѣ извѣстныя, какъ солнце превосходить звѣзды. Воскурите этотъ оиміамъ и разсудите. Дайте ему наставленіе, что онъ долженъ дѣлать, потому что изъ редакціи ему зачѣмъ-

то возвратили представленное имъ объявленіе. Я собираюсь къ вамъ съ изъявленіемъ преданности и благодарности за ваши добрыя и дружескія ласки ко мнѣ, и на дняхъ ударю лично челомъ передъ вами. Вашъ душевно преданный Сенковскій.

NB. Онъ ужасно желаетъ увидѣть объявленіе свое въ печати въ субботу, а зовутъ его Негг Каулл.

II.

Почтеннѣйшій и добрѣйшій Петръ Романовичъ! Мой сотрудникъ, табачный фабрикантъ Андрей Самойловичъ Каулъ, прибѣгаетъ черезъ меня къ вашему покровительству. Онъ желаетъ имѣть определенное мѣсто сверху третьей страницы вашей газеты на нѣсколько недѣль сряду—чего ваши подчиненные не смѣли пожаловать ему безъ вашего разрѣшенія, когда вы были больны. Сдѣлайте дружеское одолженіе, дозвоьте ему явиться въ свѣтъ съ своими сочиненіями въ великодостойномъ видѣ. А почему онъ мой сотрудникъ, о томъ слѣдуетъ объясненіе. Пейкеръ *) запрещалъ все, что я ни напишу—ну рѣшительно все; не оставалось болѣе ничего дѣлать, какъ обратиться отъ литературы къ промышленности, и я записался въ купцы—открылъ табачную лавочку и фабрику—и вотъ мы трудимся съ Каулемъ, который обладаетъ мудростью дѣлать неслыханные табаки, папирсы и сигары. Неслыханныя сигары еще не готовы: первые экземпляры ихъ будутъ представлены вамъ на критику, которую, надѣюсь, выдержатъ онѣ побѣдоносно. Маленькія мои познанія въ химіи и растительной фізіологіи, которыя цензура уничтожала въ печати, пригодились отлично въ приложеніи къ обработкѣ табаковъ. Жаль, что вы трубки не курите: вы-бы удивились превосходству табаковъ Кауля моего; есть Каулъ не мой, другой, братъ его, тоже табачный фабрикантъ, но плохой, и ихъ не должно смѣшивать. Но если любите курить папирсы по испански, то есть свертывать ихъ собственноручно изъ свѣжаго, влажнаго табаку, что гораздо лучше всякихъ сигаръ, легко и здорово для груди, потому что онѣ даютъ дымъ влажный, мягкій, а не сухой и острый, раздражающій дыхательные органы, то прикажите моему сотруднику Каулю доставить вамъ знаменитѣйшаго изъ всѣхъ человѣческихъ табаковъ, Джебеили **), растущаго въ Ливанскихъ горахъ и въ которомъ я сидѣлъ и учился по арабски ***): удивитесь! Послѣ того никакого другаго курить не станете. Прощайте. До свиданія, голова трескается отъ боли. Вашъ душевно преданный Сенковскій.

Сообщ. В. Я. Стожонкиъ.

*) Цензоръ, читавшій журналъ «Библиотека для Чтенія». В. С.

***) Названіе мѣстечка. В. С.

***) Сенковскій былъ извѣстный знатокъ арабскаго языка, который практически изучалъ онъ въ юности на мусульманскомъ Востока. В. С.